

#1 NY TIMES BESTSELLING AUTHOR
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Барбара
ФРИТТИ
**Монетка
на удачу**

Не откладывай жизнь
на завтра!

P.S.
Я тебя
люблю

Барбара Фритти
Монетка на удачу
Серия «Желание», книга 3

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6446395
Барбара Фритти. Монетка на удачу: Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67773-3

Аннотация

Повар Адрианна Кавелло знает миллион рецептов и умеет творить на кухне чудеса. Ах, если бы собственное счастье можно было испечь по проверенному маминему рецепту, как румяный пирог! После гибели близкого друга Адрианна долгое время не могла заставить себя приготовить даже завтрак. Спасти ее от глубокой депрессии могло только чудо. Как-то раз, проходя мимо старинного городского фонтана, который, по легендам, исполняет желания, она бросила в воду четвертак. Этот поступок изменил ее жизнь навсегда...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Барбара Фритти

Монетка на удачу

Пролог

Июль...

В опустевшей комнате для персонала ресторана «Винченцо» Адрианна сняла белую поварскую куртку с длинными рукавами и бросила ее в корзину для грязного белья. Одним движением она освободила стянутые в тугий узел каштановые волосы, которые тут же рассыпались по плечам огненными волнами. *Какое облегчение!* Вечер на кухне выдался длинным и изнурительным, но Адрианне даже нравилось уставать на любимой работе. Она с детства мечтала стать шеф-поваром, и к двадцати восьми годам ее имя уже кое-что значило в ресторанном мире.

Вошедшая в комнату Линдси Роджерс устало улыбнулась. Эта высокая стройная блондинка, одна из помощников шеф-повара или, точнее, одна из су-шефов, стала близкой подругой Адрианны с первого дня знакомства. Иногда Адрианне трудно было поверить, что это действительно так: девушки были диаметрально противоположными не только внешне, но и по характеру. Общительная и веселая Линдси особым честолюбием не отличалась. Адрианна же, скромная и сдержанная, была гораздо сосредоточеннее и целеустремленнее. Разумеется, и она была бы не прочь повеселиться, но у нее почти не оставалось на это времени. Сколько она себя помнила, главной ее задачей было свести концы с концами. Придет день, и она сможет расслабиться, передохнуть, оглядеться и понять, что упускает, но это время еще далеко.

– Уже не верилось, что та компания когда-нибудь уберется восвояси! – воскликнула Линдси, снимая белую куртку. – Один тост за другим, пока не напились вдрызг. Уиллу пришлось вызвать два такси, чтобы наконец выпроводить их.

– Зато они хорошо провели время, как и полагается, – улыбнулась Адрианна. Ничто не приносило ей большего счастья, чем смотреть, как люди наслаждаются приготовленной ею едой и общением друг с другом.

– Это точно! – Линдси покрутила головой, разминая затекшую шею.

– Хорошо, что бизнес оживился, – добавила Адрианна. – Зимой было совсем тоскливо.

Весь январь и февраль она тревожилась, что ресторан закроется, поскольку у владельца и шеф-повара Джованни Риччи начались проблемы со здоровьем. К счастью, его племянник Стивен взял дело в свои руки и всего за несколько месяцев сумел преодолеть кризис. Адрианне не хватало на кухне опеки Джованни, но зато она научилась брать ответственность на себя. Она считала, что ее жизнь – причудливый коктейль хороших и плохих новостей.

– У нас столько клиентов благодаря тебе, – сказала Линдси, подходя к зеркалу, чтобы подкрасить губы. – Известность ресторана растет, а твоя репутация крепнет. Стивен вот-вот назначит тебя шеф-поваром.

– Сомневаюсь. За все шестьдесят лет в «Винченцо» не было ни одного шеф-повара, который не носил бы фамилию Риччи.

– Что правда, то правда, но, хоть Стивен и хороший повар, его призвание – бизнес. Он обожает руководить, рекламировать ресторан и обхаживать клиентов. А волшебница на кухне – ты, и Стивену хватает ума это признать. Ты прекрасно справляешься с обязанностями шеф-повара, – добавила Линдси, отворачиваясь от зеркала. – И знаешь, Уилл расхваливает тебя перед Стивеном при любой возможности.

– Он очень меня поддерживает, – согласилась Адрианна. Уилл Грейсон был главным барменом, и они жили вместе, хотя ей странно было думать о нем как о своем парне. Уилл и Адрианна дружили четыре года, пока свадебная вечеринка коллеги и море выпитого шампанского не превратили их из друзей в любовников.

– Кстати, об Уилле. Какой-то он в последнее время рассеянный, – заметила Линдси. – У него проблемы?

– Никаких, насколько я знаю. Возможно, стресс от бесконечных шумных попоек.

– И то верно. Забери его домой и исправь этому честному труженику настроение так, как только *ты* умеешь. – Линдси озорно ухмыльнулась, схватила с вешалки куртку Уилла и швырнула ее Адрианне.

На лету из кармана куртки что-то выпало.

Девушки одновременно нагнулись, едва не столкнувшись лбами, но Линдси первая схватила коробочку, обтянутую синим бархатом.

– О боже, – выдохнула Линдси, встретившись взглядом с Адрианной. – Уилл собирается сделать тебе предложение.

Адрианна изумленно и настороженно уставилась на аккуратный футляр для драгоценностей.

– Нет-нет. Слишком скоро.

– Вы вместе уже целую вечность.

– Но не как парень с девушкой. Это для нас внове. Постой, не открывай, – предупредила Адрианна, глядя, как пальцы подруги теребят крышку.

– Почему бы и нет? Неужели ты не хочешь увидеть кольцо?

– Мы не знаем, что это обручальное кольцо. Пока ты не открыла коробочку, это может быть что угодно.

– Есть только один способ выяснить.

– Нет. – Охваченная паникой и тревогой, Адрианна мгновенно распрямилась. Она не была готова ни к помолвке, ни к браку, ни даже к обещанию. Она не хотела от Уилла никакого кольца.

– Не дури! Какой от этого вред? А польза – налицо: если кольцо не понравится, у тебя появится шанс скрыть разочарование, когда Уилл его тебе покажет. – Ох уж эта практичная Линдси! – Ты же не хочешь расстроить парня. Я знаю, ты постарайся быть вежливой и тактичной, но мы прекрасно понимаем, что никудышное кольцо – плохое начало брака.

– Не хочу его видеть.

Линдси нахмурилась:

– Почему? Что с тобой?

Как объяснить Линдси, относящейся к любви легко и небрежно, что для нее самой любовь, брак, семья – неразрывное целое, самая заветная мечта! Адрианна не верила в пробные браки или «второй шанс», а значит, ошибиться нельзя. Не потому ли возможное предложение пугает ее до смерти? Давным-давно Адрианна надежно заперла свое сердце, и хотя Уилл чуть поколебал ее решимость, он даже не приблизился к тому, чтобы сорвать заветный замок. Неужели Уилл думает иначе?

– Линдси, пожалуйста, убери коробочку, пока он не вошел.

– Ладно, ладно, успокойся. – Линдси сунула коробочку в карман куртки Уилла и повесила ее на вешалку. – Вот... подальше от глаз. И притворимся, что ничего не видели.

– Хорошо, – с облегчением выдохнула Адрианна. – Сейчас меня все устраивает. Я считала, что и его тоже.

– Ну уж нет. Уилл не такой одержимый, как ты, да я и не знаю других таких сумасшедших, мчащихся на работу сломя голову и сидящих тут до потери пульса. – Линдси смягчила свои слова улыбкой. – Мне пора. У меня еще вечером свидание с Джеком. Он такой сексу-

альный, что рядом с ним у меня начинается сердечный приступ. Позвони мне завтра. Я хочу узнать судьбу кольца.

После того как Линдси выпорхнула из комнаты, Адрианна долго смотрела на куртку Уилла. Может, это вовсе не то, что она подумала? Может, это чужое кольцо? Вдруг кто-то из друзей Уилла отдал ему подарок на хранение?

Однако, несмотря на все предположения, ее не оставляло неприятное предчувствие. Уилл с самого начала решительно форсировал их отношения, все время стремился к большему. Но ведь он знает ее лучше всех и должен бы понимать...

Вздыхнув, Адрианна подхватила свои вещи и вернулась на кухню. Там уже никого не было, кроме Уилла, который со странным выражением лица таращился на свой сотовый телефон.

– Все в порядке?

Он поднял на нее глаза и кивнул, но его взгляд был отсутствующим, как будто мысли блуждали где-то далеко-далеко.

– Ты уверен?

– Адрианна, мне нужно с тобой поговорить.

– Ты меня пугаешь.

Его глаза потемнели.

– Ничего плохого. Просто... кое-что важное.

Ее желудок сжался.

– А нельзя попозже? Был очень тяжелый вечер, я так устала. Единственное, чего мне сейчас действительно хочется, так это добраться до дома и плюхнуться в постель. Ты со мной?

Уилл нахмурился:

– Послушай, вряд ли *это* может подождать до завтра. Я долго откладывал и больше не могу молчать.

– Ну, несколько минут потерпишь, – произнесла Адрианна, оттягивая решающий момент. Если Уилл попросит ее выйти за него замуж, то что, черт побери, она скажет? Отказ оскорбит его чувства, но и согласие до добра не доведет. Адрианна поставила сумку на стол и решительно подхватила приготовленную большую коробку. – Извини, но я обещала детям пиццу.

В глазах Уилла заплескались разочарование и раздражение.

– Адрианна, ты три дня назад сказала мне, что сообщишь об этих бездомных попрошайках в полицию.

– Обязательно сообщу... завтра.

– Вечная отговорка. Я понимаю, у тебя в детстве были проблемы с системой, но главное в том, что этим детям необходимо нечто большее, чем остатки пиццы.

Около недели назад Адрианна наткнулась на троих детей, ковыряющихся в мусорном баке, и вынесла им горячую еду. С тех пор они приходили к ресторану перед закрытием почти каждый вечер. Она не знала, бездомные они или просто заброшенные, но интуитивно чувствовала, что они попали в беду и им нужна помощь. И еще она понимала, что одичавшие дети не позволят приблизиться к ним, если не начнут ей доверять. Наверное, с точки зрения общественной морали Уилл прав, но она все еще обдумывала, как лучше поступить, и пока не пришла ни к какому решению.

– Я вернусь через минуту. – Адрианна ловко подхватила коробку с пиццей и направилась к задней двери, выходящей в проулок за рестораном. Не успела она отойти на пару шагов от двери, как из темноты появились три ребенка.

Самому старшему, мальчику, на вид было около двенадцати. Из двух девочек той, что постарше, было лет десять, а младшей около восьми. Адрианна пыталась узнать, как их

зовут, но только мальчик согласился назвать свое имя – Бен – и уверил, что у них есть где жить, просто нужна еда. Он умолял ее не звонить в полицию, и его слова задели ее за живое – у Адрианна на то были весомые причины.

– Так не может продолжаться, – сказала она Бену, удерживая пиццу в заложниках, пока не добьется хоть каких-то ответов. – Нельзя одним слоняться по улицам так поздно. Это неправильно и опасно. Поверь мне, я проверила на собственной шкуре и знаю, что говорю. Я хочу помочь, но вам придется рассказать мне правду о себе.

– Послушай, мы ничего не просим, просто дай нам немного еды, и мы уйдем.

– Где ваши родители?

– Да ладно... Забей! Они завтра приедут. А пока мы справляемся.

Адрианна не поверила ни единому слову «нахаленка» и перевела взгляд на девочек. Старшая выглядела очень уставшей и какой-то вялой, еле держала глаза открытыми, но маленькая настороженно уставилась на Адрианну ясными ярко-голубыми глазами.

– Можно взять пиццу? – спросил Бен.

– Кто присматривает за вами в отсутствие родителей?

– Мамина подруга.

– Эта подруга знает, где вы сейчас?

– Она работает допоздна. Мы вернемся домой до ее прихода.

– Я могу отвести вас домой, – предложила Адрианна. – Только возьму куртку и сумку.

– Здесь недалеко. Что мы, сами не дойдем, что ли?

– Бен! Хватит отговорок...

– Спасибо за пиццу, мэм. Вкусная – пальчики оближешь!

Адрианна продолжала бы спорить, но услышала грохот и вслед за ним два громких хлопка. И только через секунду поняла, что означают эти звуки.

Выстрелы!

Ее сердце, казалось, застряло в горле, затрудняя дыхание. Ноги предательски отказывались слушаться и словно приросли к асфальту. Она выросла в районе, где выстрелы были обычным делом, но здесь же Норт-Бич, престижная часть Сан-Франциско. В голове не укладывается!

Адрианна, как во сне, медленно обернулась и посмотрела в проулок: две бегущие к улице фигуры в куртках с капюшонами проплыли перед глазами. Ее пронзил ужас. Неужели стреляли в ресторане?

О боже!.. Уилл на кухне один!

Адрианна бросилась к задней двери, моля бога, чтобы эти выстрелы донеслись откуда угодно, только не из ресторана.

Кухня была пуста.

– Уилл!

Нет ответа.

Вбежав в зал, она увидела, что оправдались ее худшие страхи. Уилл лежал на полу около бара, и вокруг его головы растекалась лужа крови.

– Нет! – выкрикнула Адрианна, падая на колени.

Его открытые глаза, не моргая, смотрели на нее, но в них больше не было жизни.

– Ты не мог умереть, – забормотала Адрианна, трясая головой. – Ты не можешь быть мертвым. Очнись. Это просто плохой сон. С тобой все в порядке. – Она положила ладонь на его лицо... еще теплое. *Боже, необходимо что-то делать! Искусственное дыхание!.. Позвонить девять-один-один!..* Но, прижав ладони к его груди, она поняла, что ничего не поможет.

Уилл мертв.

Полицейские сирены разорвали ночное безмолвие, в зал через парадный вход ввалились копы, оттащили ее от Уилла, принялись задавать вопросы, натягивать желтую оградительную ленту, а Адрианна все таращилась на мужчину, который был ее лучшим другом, ее любовником и, если бы она не выскочила из ресторана, может быть, стал бы ее женихом.

Глава 1

Август...

Семь недель прошло с того дня, как ограбление ресторана «Винченцо» отняло жизнь Уилла и разрушило ее жизнь. Адрианна протащи́лась сквозь все стадии горя – шок, отрицание, боль, чувство вины, гнев, растерянность и депрессию. Теперь предполагалось, что она должна жить дальше, но она могла лишь прятаться в своей квартире, смотреть по телевизору дневные ток-шоу, пытаться найти хоть какой-то интерес в вязании и шарахаться от собственной кухни и всего, что имело отношение к приготовлению пищи. Когда-то кулинария была ее лекарством, но каждый раз, как она видела сверкающую сталь своих кухонных приборов, вспоминала Уилла, «Винченцо» и жизнь, которая была слишком хороша, пока не рухнула в один момент.

Адрианна надеялась, что полиция найдет убийцу или убийц Уилла и торжество справедливости позволит перевернуть эту страницу ее жизни, но этому не суждено было случиться. Никаких свидетелей. Администрация планировала поставить новые камеры слежения в ходе намеченной модернизации ресторана, а старые не работали. Казалось, единственным мотивом ограбления были деньги, и в полицейском рапорте было написано, что следователь пришел к очевидному выводу: Уилл застал грабителей врасплох, попытался остановить их и был застрелен.

Трудно было смириться со столь случайным и безличным убийством, однако других объяснений не было, да и дальнейшее выяснение причин не изменило бы главного – Уилл мертв. Она потеряла друга, а мир потерял очень хорошего человека...

Выйдя из дома, Адрианна судорожно вздохнула и прикрыла глаза от резкого света. Она привыкла к уютному полумраку своей зашторенной квартирki с одной спальней, и солнечный свет ослепил ее, ноги подкосились, охватило тошнотворное чувство паники. За эти семь недель Адрианна отваживалась покидать свое убежище только в случае крайней необходимости, и сейчас был как раз такой крайний случай.

Сегодня она просто *должна* была выйти из дома.

Стивен Риччи, вновь открыв «Винченцо» через три недели после ограбления и убийства Уилла, хотел поговорить с ней о ее работе, ее будущем, и она не могла дольше тянуть. Стивен сообщил, что установил новую систему безопасности, сделал косметический ремонт, чтобы ничто не напоминало о случившемся ни персоналу, ни посетителям, но Адрианна сомневалась, что слой краски и новая мебель сотрут ее воспоминания.

Другие воспринимали все иначе, им легче было вернуться к работе. Они не были свидетелями трагедии. Они не сидели в шоке на полу, измазанные кровью Уилла. Адрианна содрогнулась и спросила себя, сможет ли вообще когда-нибудь вспомнить настоящего, смеющегося Уилла, а не чужие пустые безжизненные глаза.

«Прекрати!» – сказала она себе. – Прекрати возвращаться туда!»

Адрианна брела по тротуару и старалась думать о чем-нибудь другом. Ее многоквартирный дом находился всего в нескольких кварталах от «Винченцо», и когда-то она наслаждалась каждым шагом дороги на любимую работу. Норт-Бич в Сан-Франциско справедливо считают «Маленькой Италией». Здесь располагается множество итальянских кафе со столиками, покрытыми скатертями в красную клетку, и с европейскими деликатесами; кофеен не только с неизменным латте, но и с поэтическими вечерами, концертами исполнителей народных песен и джазовых музыкантов. В общем, в этой части города кипит жизнь.

И магазинов здесь тоже много. Салоны винтажной одежды, художественные галереи и бутики самых дорогих брендов мирно соседствуют с книжными лавками, где продают книги об истории города и населяющих его иммигрантах, золотой лихорадке и «Варварском

Береге», как иногда – по аналогии со средиземноморским побережьем Северной Африки – называют Калифорнию. Адрианне нравилось ощущение связи с бурным прошлым этого города. У нее не было родных, зато она чувствовала себя частью особенного района Сан-Франциско.

Теплая летняя погода, прогуливающиеся туристы, дети с мороженым у входа в парк, лязг канатного трамвайчика напомнили ей о жизни, которой она пренебрегала в последние недели. Просто нужно как-то избавиться от страха. В детстве она существовала в постоянном страхе, но, повзрослев, считала, что все это позади, – и вдруг зло и насилие ворвались в ее выстроенный уютный мир и грубо щелкнули по носу, мстя и напоминая зарвавшейся девчонке, что на самом деле она никогда не была в безопасности и не контролировала свою судьбу, что ее жизнь – это набор случайностей.

По иронии судьбы, за самой худшей ночью ее жизни последовало предложение о работе ее мечты: Стивен назначит ее шеф-поваром «Винченцо». Последние десять лет она упорно шла к этой цели. Как можно отказаться? С другой стороны, где найти силы, чтобы вернуться в ресторан, смотреть на пол и не видеть крови Уилла? Как войти на кухню, не услышав слова Уилла о том, что он хочет поговорить с ней о чем-то важном? Как войти в комнату отдыха и не увидеть его куртку или синюю бархатную коробочку с кольцом?

Адрианна не знала, что случилось с футляром для драгоценностей. Из округа Марин приехали родители Уилла и забрали его личные вещи из ресторана и его квартиры. Они ни словом не обмолвились при ней о кольце, но, похоже, они и не знали о ее отношениях с Уиллом. Она попыталась выразить соболезнования матери Уилла, однако та лишь машинально кивала и равнодушно хлопала ее по руке. Когда Адрианна спросила о похоронах, мать сказала, что никаких похорон не будет, что Уилла кремируют, а пепел развеют над морем. Адрианна знала, что Уилла с родителями не связывают тесные отношения, но не сознавала, насколько далеки они друг от друга. Да и какая теперь разница.

Распрямив плечи, Адрианна заставила себя идти дальше. Она не была уверена, сможет ли войти в ресторан, но надеялась к вечеру добраться до парадной двери.

День стоял чудесный. Туман не застилал горизонт, лишь несколько пушистых облачков плыли по высокому пронзительно-голубому небу. Спускаясь с холма, Адрианна любовалась горизонтом, на котором в небесную синь впился мост Золотые Ворота, а разноцветные паруса яхт мирно скользили по заливу. Она свернула за угол и вышла на прекрасную, вымощенную булыжником площадь, к которой сходились четыре улицы.

Ресторан «Винченцо» располагался в дальнем углу напротив церкви Святой Маргариты и «Фонтана желаний», популярной достопримечательности Норт-Бич. Фонтан, построенный более ста лет назад, принадлежал церкви. Он пережил землетрясение тысяча девятьсот шестого года и стал неотъемлемой частью местного предания – брось в воду монетку, и она принесет тебе удачу и счастье.

Много лет бесчисленное количество людей пересказывало друг другу чудесные истории об исполненных желаниях. Адрианна никогда не верила в этот дурацкий обряд и сказки. Может, потому, что ни одно из ее желаний так и не исполнилось... Она рано поняла, что одна в этом мире и единственный человек, на кого она может положиться, – она сама. Блшшую часть своей жизни ей удавалось быть сильной, но сегодня... сегодня она слабая, неуверенная в себе девочка, которой никак не избавиться от тоски, не преодолеть панический страх и не переступить порог ресторанной кухни. Одна ступенька, две, три... Приготовление еды – не просто источник средств для жизни, но это все, что она умеет и действительно любит. Хотя и сбережения быстро тают, конечно.

Поддавшись порыву, Адрианна пересекла площадь и остановилась у фонтана. Пожалуй, сейчас ей не помешала бы помощь свыше. Она решительно открыла сумку, достала из кошелька монетку в двадцать пять центов. Внутренний голос упрямо твердил, что гораздо

рациональнее будет оставить монетку в покое и завтра, когда она подъедет на авто (а силы-то где взять на этот безумный рывок?), оплатить четвертаком семь минут на парковочном счетчике. Но душа трепетала и жаждала чуда – ну, разве так уж грешно поддаться мимолетному желанию и выбросить деньги в дурацкий фонтан?

Размышляя, Адрианна заметила двух девочек с другой стороны фонтана, и ее пульс помчался вскачь. Они были очень похожи на детей, которых она встретила в проулке за рестораном в тот вечер, когда был застрелен Уилл. С тех пор она не раз спрашивала себя: не сложилось бы все иначе, если бы она не вынесла детям пиццу, если бы не задержалась, задавая им вопросы, если бы не постаралась избежать того, что, как она думала, могло быть предложением руки и сердца? Сумела бы она спасти Уилла, если выслушала бы его, или тоже была бы теперь мертва?

Девочки были одеты неряшливо и выглядели такими же оборвышами, как она помнила. Интересно, где мальчик, который был с ними? Куда делся Бен? Голодали ли они без остатков еды, которые она им выносила?

Ее охватило чувство вины за то, что она по-настоящему о них не позаботилась.

Адрианна обошла фонтан. Младшая девочка подняла взгляд, и ее голубые глаза вспыхнули узнаванием. Она что-то прошептала второй девочке, та покосилась на Адрианну, затем они обе резко отвернулись и сорвались с места.

– Подождите! – крикнула Адрианна, бросаясь за ними через площадь в одну из улиц. Почему-то казалось необычайно важным догнать их. Она просто *должна* была что-то исправить, кого-то спасти, ведь Уилла уже не вернуть. Вдруг, если она поможет этим детям...

Минут пять спустя они совсем скрылись из вида. Словно сквозь землю провалились в одном из узких проулков, пронизывающих эту часть города. Адрианна развернулась и медленно побрела назад.

Солнечный свет играл в тугих струях фонтана, и она шла как завороченная, все еще сжимая в кулаке монету. Нужно просто загадать желание – правильное желание, которое сможет все изменить.

Запахавшись, она облокотилась на бортик фонтана и снова помедлила, готовая на что угодно, лишь бы подольше не входить в ресторан, – но по меньшей мере она совсем рядом...

Уайт Рэндал смотрел на календарь на экране компьютера до тех пор, пока глаза не защипало. Как будто если он посчитает дни не слева направо, а наоборот, это что-нибудь изменит. Снова август, а он так и не нашел свою девочку. Даже на шаг не приблизился. Два года прошло с тех пор, как он в последний раз видел Стефани, и все еще понятия не имеет, где она. Знакомое отчаяние окатило его волной, глаза блеснули от гнева. Он – инспектор полиции Сан-Франциско – зарабатывает на жизнь тем, что ищет пропавших людей и раскрывает преступления. И, между прочим, он чертовски хорошо выполняет свою работу. Он успешно закрыл больше дел, чем кто-либо другой в департаменте, но не справился с единственным, самым важным для себя заданием. Приходилось прилагать усилия, чтобы не терять надежды, но сознание все чаще рождало предательскую мысль: может, ему никогда не найти дочь.

Уайт не хотел сдаваться, но время неумолимо бежало вперед. Он взял в руки рамку, стоявшую на его столе. Ясные голубые глаза Стефани нежно глядели на него с фотографии. Это был ее шестой день рождения. Они ездили на пляж, жарили на костре хот-доги и маршмеллоу¹. В тот день они дурачились, пели песни у костра и были по-настоящему счастливы. От ее улыбки ему стало чуть легче, он вспомнил, как Стефани озорно махала кусочками маршмеллоу перед камерой, как запеченными яблоками пахли ее загорелые щечки,

¹ Аналог пастилы. – Здесь и далее примечания переводчика.

песчинки в волосах – они тогда валялись на мокром песке и махали руками и ногами, так что на земле остались отпечатки, по форме напоминавшие крылья и мантии ангелов. Какой чудесный был день! Кто мог подумать, что это последний день, который они проведут вместе? Где ты теперь, мой ангел?

Но снимок в рамке не давал никаких ответов. У Стефани были его глаза и такой же взгляд, прямой и испытующий. Глядя на нее, Уайт будто смотрелся в зеркало, только дочь не унаследовала его темные волосы, а была блондинкой – в мать.

Ее мать...

При мысли о бывшей жене в Уайте закипала ярость. Дженнифер украла у него Стефани, нарушив соглашение об опеке, и превратила его жизнь в сущий ад. Чокнутая Дженнифер почему-то вдруг решила, что их дочери с ней будет лучше, чем с отцом. Он окончательно не сошел с ума только потому, что знал: Дженнифер любит Стефани и сознательно не причинит ей вреда. Оставалось надеяться, что она хорошая мать, что как-нибудь избавится от наркотической зависимости и дурных приятелей... Но он видел в своей жизни столько зла и насилия, что давно перестал верить в чудесные исцеления. Он не успокоится, пока снова не обнимет свою девочку.

Большинство его друзей и родственников поначалу, когда Дженнифер исчезла с ребенком, жарко его поддерживали, но постепенно их пыл поумерился, и они сдались. Все еще притворяются, будто верят в возвращение Стефани, но он-то знает правду: их веру подорвали два очень длинных года фальшивых зацепок, ведущих в тупик следов и сокрушительных разочарований. В день, когда мать и дочь сбежали, к поискам были подключены все известные ему силы: «Эмбер алерт»², поисковые волонтерские отряды и всевозможные средства массовой информации. Через неделю стало понятно, что поиски затягиваются. Через несколько месяцев они продолжали жить так, будто маленькие ножки вот-вот заступят по ступенькам, дверь откроется – и в комнату ворвется их любимый сорванец в джинсовой юбчонке. Многие месяцы во время семейных ужинов для Стефани ставили столовый прибор. Мать Уайта покупала для нее подарки ко всем праздникам и складывала в стенном шкафу до *того дня*. Но *тот день* казался все более далеким и призрачным. Уайт поставил фотографию на стол, мысленно пообещав дочери, что никогда не сдастся, сколько бы времени ни заняли поиски.

Ежедневная клятва дочери стала его тихой молитвой и, как всегда, принесла успокоение. Сосредоточившись на работе, он пробежал взглядом стопку папок на своем столе. Другие пропавшие дети, другие невинные жертвы требовали его внимания. Как бы сильно ни хотелось целиком посвятить себя поискам дочери, он должен зарабатывать на жизнь. В первый год после исчезновения Стефани он исколесил вдоль и поперек всю страну, отрабатывая бесконечные версии, которые неизменно заканчивались ничем. В конце концов ему пришлось вернуться к работе хотя бы для того, чтобы оплачивать нанятого для поисков Стефани частного сыщика. К несчастью, сыщик тоже ничего полезного не обнаружил и занялся другими клиентами, периодически предоставляя Уайту отчеты о машинально проделанной работе.

– Уайт, у меня кое-что есть. Ты должен взглянуть, – позвал его бывший напарник Джош Бертон.

Уайт встал из-за стола и подошел к другу. Они с Джошем познакомились в полицейской академии одиннадцать лет назад, стали напарниками, бок о бок продвигались по службе, однако за время его полугодового отпуска Джош получил другого напарника, как и Уайт, когда вернулся. Тем не менее Джош всегда был рад помочь другу по старой памяти, и вообще многие из самых успешных расследований они провели вместе.

² Экстренная система поиска похищенных или пропавших детей.

– Вот, полюбуйся! Я пересматривал видеоматериал с камер вокруг ресторана «Винченцо», – ликовал Джош. Они всем отделом некоторое время работали над ограблением и убийством в популярном ресторане в Норт-Бич, а Джошу досталась работа с видео. Он нажал на одну из клавиш компьютера, и на экране появилось зернистое видеоизображение. Трое детей – мальчик и две девочки, все явно моложе двенадцати лет – вышли из винного магазина, остановились на тротуаре, открыли коробку конфет. Вдруг самая маленькая девочка повернулась лицом к камере. Уайт ни с кем не перепутал бы эти до боли родные голубые глаза, в левой части груди заныло от предчувствия, и он затаил дыхание, пытаясь совладать с сердцебиением. Через какую-то долю секунды девочка отвернулась, и дети выбежали из поля зрения камеры.

– Прокрути еще раз, – прохрипел Уайт.

Джош выполнил просьбу, больше похожую на приказ, и, когда лицо девочки заполнило экран, нажал на стоп-кадр.

– Похожа на Стефани, правда?

Уайт смотрел на экран, пытаясь сглотнуть комок, закупоривший горло.

– Более-менее.

– Она старше, и волосы темнее, – у Джоша включился профессиональный навык любую непроверенную гипотезу подвергать сомнению и хладнокровно анализировать. Полицейский всегда должен контролировать ситуацию, нельзя подчиняться чувствам.

– Мы два года ее не видели, и кто знает, что Джен сотворила с ее волосами? – Уайт мертвой хваткой вцепился в «ниточку» и начал разрабатывать версию.

– Но зачем Дженнифер привозить Стефани в Сан-Франциско? Она же должна понимать, что ты все еще ищешь девочку. И у тебя здесь полно поддержки и возможностей. Нелогично. – Джош был неумолим.

– Джен никогда не отличалась логикой поведения.

– Я бы еще понял, если бы она пряталась в Лос-Анджелесе, где выросла, где живут ее родители. Кто-то же снабжает ее деньгами, покрывает, и родители – наиболее вероятные подозреваемые.

Да, родители Джен приняли сторону дочери, но что тут странного? Они же и избаловали своего единственного ребенка, свято веря, что она идеальна во всех отношениях, а проблемы дочкиного брака считали полностью виной мужа.

– Том месяцами следил за родителями Джен, – Уайт отметил работу своего частного сыщика. – Он ни разу не заметил, чтобы они связывались с Дженнифер, и не нашел никакого денежного следа. Я не знаю, кто помогает ей выживать, но не похоже, что это достойные пенсионеры Грег и Венди Миллер.

– Ну, я все равно сомневаюсь, что Джен здесь. Если честно, я даже не был уверен, стоит ли показывать тебе это видео. Сколько было ошибочных опознаний? Мы видели Стефани во множестве маленьких девочек, и ни одна из них не оказалась ею. Вдруг это снова ложный след? Честно говоря, я бы сам на твоём месте не выдержал, приятель.

Все, что сказал Джош, звучало вполне разумно. В возвращении Дженнифер и Стефани в Сан-Франциско нет никакого смысла, и девочка, выхваченная камерой слежения, не точная копия его дочери, но от ее взгляда у него внутри все сжалось. Он должен отработать эту версию, даже если зацепка окажется такой же бесполезной, как и другие.

– Даже не думай скрывать от меня информацию, которая хоть с минимальной вероятностью может оказаться важной, – загромыхал Уайт. – И не волнуйся за меня. Только Стефани имеет значение. Можешь распечатать для меня этот кадр? Я загляну в винный магазин, кто знает, вдруг продавцу что-то известно об этих детях.

– Сказано – сделано. – Джош протянул фотографию. – Я бы пошел с тобой, но мне еще нужно допросить свидетеля.

– Ничего, сам схожу, – пробормотал Уайт. – У меня сейчас нет ничего срочного. Джош предостерегающе взглянул на друга.

– Старайся, чтобы капитан тебя не видел и ничего подобного не слышал. Ты уже довел его до ручки.

Уайт не питал никаких иллюзий насчет отношения к себе капитана. Вначале босс щедро давал выходные и смотрел сквозь пальцы на то, что Уайт использует для поисков дочери ресурсы полицейского департамента и злоупотребляет рабочим временем. Однако в последнее время нагрузка на личный состав сильно увеличилась, и капитан предупредил, что хотя он по-человечески его понимает и сочувствует, но если Уайт и дальше будет постоянно отпрашиваться и «гоняться за призраками», то ему придется выйти в отставку.

– Ты не забыл о завтрашней помолвке Саммер? Придешь на вечеринку? – спросил Джош, откидываясь на спинку стула и потягиваясь. – Я бы пошел с удовольствием, но должен работать.

– Поживем – увидим, – неопределенно ответил Уайт. – Там будет столько народа, что сестра и не заметит моего отсутствия.

– Еще как заметит, и ей будет тебя не доставать, как и всей твоей сумасшедшей родне. Давай развеемся, приятель, исключительно чтобы не терять хватку, конечно, – подчеркнул Джош.

Те же самые аргументы Уайт слышал и от матери, и от отца, и от брата, и от сестры. Два года – слишком долгий срок для бешеного спринта к финишной черте, которая отодвигается все дальше и дальше, но он не представлял, как жить иначе. Каждый раз, задумываясь о чем-то другом или ловя себя на улыбке или смехе, он испытывал чувство вины. Он не мог жить без своего ребенка.

– Подумаю. Пусть уж моя бестолковая сестренка Саммер будет счастлива – этот Рон вроде хороший парень, но кто знает, как у них сложится? Моя Дженнифер тоже до свадьбы была красавицей, – кто ж знал, что она превратится в чудовище?

– Да-а, – сочувственно протянул Джош. – На вашей свадьбе она была такой милой. Смотрела на тебя снизу вверх с восхищением и буквально таяла в руках, как будто ты единственный мужчина в мире. Я тебе даже завидовал.

– Благодарю бога, что пронесло. Женитьба на ней была огромнейшей ошибкой в моей жизни, и не сомневаюсь, что Джен чувствует то же самое. Как только отзвенел марш Мендельсона, начались тяжелые будни, которые были похожи на непрекращающийся кошмар.

– У нее были завышенные ожидания. После сказочной свадьбы с запряженной лошадьми каретой и тысячью идеальных роз семейная жизнь показалась блеклой и скучной, твоей женошке не хватило задора.

– Вот именно. Поэтому, когда Саммер объявила о своей помолвке, я предложил ей обвенчаться тайно или расписаться в ратуше и никакой пышной свадьбы. Речь ведь идет не об одном дне, а обо всей жизни. Но Саммер молода и упряма, она тоже хочет красивую свадьбу. Как будто мой пример ничему ее не научил. – Уайт помолчал и сменил тему: – Я свяжусь с тобой позже. Надеюсь, с хорошими новостями.

Глава 2

Ведя машину через город к винному магазину в Норт-Бич, Уайт машинально разглядывал улицы, задерживаясь взглядом на женщинах и детях. Это вошло у него в привычку, особенно когда он проезжал мрачный район Тендерлойн, как магнитом притягивавший наркоманов и наркодилеров. В свое время его благоверная летела сюда, как мотылек на пламя свечи.

Поначалу Уайт поверить не мог, что его жене, выросшей в приличной богатой семье и учившейся в дорогой частной школе, взбредет в голову и хватит смелости отправиться в одиночку в район с такой дурной славой. Но, может, он должен был предвидеть неприятности, ведь Джен всегда цеплялась за кого-то, искала заботы и опеки, бежала от любой реальности, которая ей не нравилась, и, наконец, нашла идеальный способ забвения в постепенно растущей горке болеутоляющих, ставших ее лучшими в мире друзьями. И вскоре выяснилось, что кайф заменил ей смысл жизни.

Только из-за дочери Уайт старался сохранить свой брак и только из-за нее в конце концов подал на развод. В жестокой бракоразводной битве Дженнифер пустила в ход грязную ложь, но он добился единоличной опеки над Стефани. Правда, он считал важным участие матери в воспитании дочери и великодушно предоставил Джен право на посещение ребенка, тем более что она согласилась лечь в клинику на реабилитацию.

Он думал, что жена переосмыслит ситуацию, постепенно выздоровеет и хотя бы отчасти снова станет той красавицей с ямочками на щеках, в которую он влюбился. Однако его заблуждение дорого ему обошлось. Именно в один из тех визитов Дженнифер забрала Стефани и сбежала. И скрывается вот уже два года, а он до сих пор не может понять, как ей удалось исчезнуть совершенно бесследно.

Уайт припарковал машину в конце квартала и вернулся к винному магазину. Когда он вошел, магазин был пуст – дневное затишье, как он и предполагал. Продавец, пожилой мужчина, явно более заинтересованный игрой «Гигантов»³ на маленьком экране телевизора за прилавком, чем происходящим в магазине, даже не потрудился привстать, пока Уайт не сунул ему под нос значок. И только тогда соскочил с табурета.

– Чем я могу быть вам полезен, офицер?

Уайт выложил фотографию на прилавок и подтолкнул к продавцу.

– Посмотрите повнимательней, пожалуйста. Я ищу этих детей, особенно самую маленькую девочку. Может, видели где-нибудь?

– Не знаю.

– Фотография с вашей камеры безопасности, между прочим. Они купили здесь конфеты.

Продавец пожал плечами:

– В двух кварталах отсюда есть здание школы – там и начальные, и средние классы. Во второй половине дня после уроков от детей здесь отбоя нет – все время кто-нибудь да забежит за конфетами. За полчаса до вашего прихода здесь сновало больше дюжины детей. Может, я этих и видел. Не помню. Мои дети давно выросли – а эти для меня все на одно лицо. – Он вернул фотографию. – Может, вам лучше опросить учителей в школе?

За последние два года Уайт по несколько раз обошел и проверил все школы в городе. Очевидно, пришло время перепроверить.

³ Бейсбольная команда.

– Спасибо. Я так и сделаю. – Он достал из бумажника фотографию Стефани. – А как насчет этой девочки? – Стефани на фото было шесть лет, она как раз пошла в первый класс. – Сейчас она на пару лет старше, поэтому может выглядеть немного иначе.

– Как я и сказал, я не обращаю особого внимания на детей, – продавец решительно замотал головой.

Уайт разочарованно пожал плечами: одиннадцатилетний опыт полицейского приучил его к тому, что большинство людей предпочитает не слишком приглядываться к происходящему вокруг, и это сильно затрудняло его работу.

– Если увидите кого-то из этих детей, пожалуйста, немедленно мне позвоните, – сказал он, протягивая свою визитку.

– Хорошо, – пообещал продавец.

Уайт вышел из магазина, остановился на тротуаре, обдумывая дальнейшие действия. На свежевыведенной фотографии на всех трех детских лицах не было страха, но напряжение чувствовалось. Дети делили на всех одну коробку конфет, и было похоже, что мальчик ловко поддевает конфетки и распределяет поровну – значит, не в первый раз. Поношенная, будто из секонд-хенда, одежда, осунувшиеся голодные личики. Да, с деньжатами у них плоховато. Уайт разозлился на себя за то, что не мог определенно сказать по расплывчатым чертам младшей девочки, его ли это дочь. Если бы изображение было почетче... А так он словно смотрел сквозь мутное стекло.

Допустим, это все-таки Стефани, тогда кто остальные и почему она с ними? И если она сама по себе, без матери, почему не попыталась связаться с ним или не попросила кого-нибудь о помощи? Ей восемь лет, но ведь он лично научил ее набирать девять-один-один, когда ей было пять.

Очевидный ответ – либо Стефани не думает, что ей что-то угрожает, либо не верит, что отец захочет ей помочь. Один бог знает, какую ложь вбила Джен в голову дочери.

Уайт около часа обходил окрестности, поговорил с продавцами, с персоналом соседней школы. Некоторым даже казалось, что они видели этих детей, но никто не мог сказать наверняка. К половине пятого он почувствовал голод и вынужден был признать, что его новый след быстро остывает, так же как все другие.

Возвращаясь к машине, он вышел на Маклеллан-Сквер с большим фонтаном, построенным церковью Святой Маргариты. Обычно здесь собиралось много народа, чтобы бросить в фонтан монетку и загадать желание, но сегодня было пустынно. Только один человек стоял с противоположной стороны фонтана – хорошенькая брюнетка в обтягивающих белых джинсах и яркой голубой блузке под темно-синим кардиганом. Длинные кудрявые темно-каштановые волосы ниспадали до середины спины, а напряженный взгляд был устремлен на монетку на ладони. Девушка явно очень серьезно обдумывала свое желание.

Уайт не верил в магию фонтана или в магию чего бы то ни было на этом свете. Когда-то его вера подверглась слишком серьезному испытанию, и он сомневался, что может быть иначе.

Подойдя поближе и глядя на рябь на поверхности воды, на сверкающие монетки на дне, он удивился: «Как много желаний молят об исполнении! А что, если добавить еще одно?»

Ветер бросил россыпь радужных брызг ему в лицо. Уайт сморгнул капли с глаз, поискал в кармане монету. Какого черта? Ему уже нечего терять!

Но не успел бросить монетку, как зазвонил телефон. На экране мобильного мигало имя матери, и он с трудом преодолел искушение перевести звонок на голосовую почту. Опыт показывал, что мама просто будет звонить и звонить, пока он не ответит, так чего затягивать?

– Алло. Mam, что случилось?

– Помолвка твоей сестры, а то ты не знаешь. Уайт, я названиваю тебе два дня, чтобы убедиться, что ты придеешь. Понимаю, что семейные сборища тяжелы для тебя, но Саммер очень хочет тебя видеть. Ты ее старший брат.

– Из-за чего суета? Это просто помолвка. Впереди еще свадьба.

– Да, но только сегодня присутствуют обе семьи. Подразделение брата Рона передислоцируют. Вот почему мы устраиваем торжественную помолвку сегодня, а свадьбу в следующем месяце. Да ведь ты и сам все знаешь, твержу тебе об этом уже несколько недель.

– Постараюсь прийти, – вздохнул он. – Но у меня есть дела и поважнее – новая зацепка по делу Стефани.

– Правда? – удивилась мать. – Какая?

– Маленькая девочка попала на камеру слежения в Норт-Бич. Я как раз проверяю этот след.

– В Норт-Бич? Так близко к твоей работе? Поразительно.

Недоверчивость в голосе матери прозвучала эхом его собственных сомнений, но он не мог позволить себе пренебречь малейшим шансом.

– Дженнифер прекрасно знает этот район. Она могла вернуться. Может, у нее в городе остались друзья, решившие ей помочь. Она не смогла бы скрываться так долго без посторонней помощи.

– Верно. Я сама об этом думала, когда на днях получала ответы на приглашения. Мэнди Мейерз придет на помолвку. – *«Мэнди Мейерз? Школьная подруга Дженнифер?»* – мысленно удивился Уайт и тут же услышал мамины разъяснения. – Она встречается с шафером Рона, и мы же не могли наказывать ее за то, что натворила Дженнифер. Да, они вместе ходили в школу, но из этого не следует, что Мэнди имела отношение к исчезновению Дженнифер.

– А тебе не кажется, что она бросилась на защиту Дженнифер слишком резко? – напомнил он матери.

– Ну, она тогда не знала всех фактов, а потом извинилась. Зато, если ты придеешь, тебе представится отличная возможность снова поговорить с ней. Приходи, мы любим тебя, Уайт, хоть и не всегда находим правильные слова, не знаем, как лучше поступить, но ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку.

– Я знаю это и ценю. Извини, мне пора, но я постараюсь прийти на завтрашнюю вечеринку.

– Пожалуйста, не постарайся, а приди.

– До свидания, мама.

Когда Уайт сунул телефон в карман, его пальцы снова наткнулись на монетку, напомнив, что он так и не загадал желание. Он вытащил десятицентовик, счел приношение слишком жалким, порылся в карманах в поисках четвертака и ничего не нашел. Ну, придется постараться десятицентовику.

Женщина с другой стороны фонтана все еще крутила монетку между пальцами и завороченно покачивалась, глядя на сверкающий фонтан. Может, тоже колебалась между напрасной тратой даже пустячных денег и зыбкой надеждой на исполнение желания. Правда, если судить по количеству монет, устилающих дно фонтана, город не испытывал недостатка в простофилях. И сегодня к ним присоединится Уайт Рэндал, отчаявшийся и исчерпавший все остальные возможности.

– Помоги мне найти мое дитя, – прошептал он, бросая монетку навстречу упругой водяной струе, и... замер в шоке, когда его десятицентовик со звоном столкнулся в воздухе с другой монетой. В результате внезапного столкновения только одна из монет упала в фонтан, другая же отскочила на мостовую и, словно извиняясь, с глухим звоном чиркнула камень.

Взгляд Уайта схлестнулся с ошеломленным взглядом женщины напротив.

Один шанс из тысячи, что подобное могло произойти! И чье же желание заблудилось во вселенной? Его или ее?

Адрианна не могла поверить, что ее монету выбило из фонтана. Неужели ее желание не исполнится и она никогда не сможет спокойно войти в двери «Винченцо»? Широким шагом она кинулась на поиски монеты, едва не столкнувшись с мужчиной – виновником происшествия.

– Вы видели, куда она упала? – Адрианна тщательно осматривала окрестности фонтана, но ее четвертак нигде не было.

– Думаю, приземлилась где-то поблизости, – ответил Уайт, пристально вглядываясь в камни.

– Поверить не могу, что такое случилось. Ну, неужели вам было трудно подождать хотя бы долю секунды? Я не заметила, что вы тоже бросаете, теперь мне позарез надо найти мою монетку.

– Откуда вы знаете, что ваша монета не попала в воду? Если уж на то пошло, так, скорее всего, усакала моя монетка. Потому что я ужасно невезучий, – с циничной усмешкой произнес Уайт.

Кажется, он разочарован не меньше ее. Знал бы он, какая она невезучая.

Пока мужчина обшаривал камни мостовой в поисках пропавшей монетки, Адрианна разглядела его повнимательней. Похоже, у него был очень длинный и тяжелый день. Узел темного галстука ослаблен, рукава белой рубашки закатаны до локтей. Волнистые каштановые волосы растрепаны, голубые глаза смотрят устало и немного сердито. Грубоватый и крепкий парень. С таким лучше не связываться. Однако, судя по бледному шраму над левой бровью, кто-то все же пробовал.

Рассматривая его, Адрианна забылась и не сразу поняла, что его глаза устремлены к ней, просто почувствовала в его глазах что-то знакомое и в ту же секунду поняла, что и он вглядывается в ее лицо.

Она машинально отвернулась, борясь с желанием стянуть поплотнее полы кардигана на груди или заткнуть за ухо выбившуюся прядь. И впервые за семь недель вспомнила о макияже, вернее, о его отсутствии. Если честно, то почти все это время она не вылезала из спортивных штанов, хотя несколько месяцев не посещала класс йоги. К счастью, сегодня она собралась с силами и натянула более-менее приличную одежду.

Хотя какая разница, что этот глазастый о ней подумает? Кто он ей? И все же оценивающий мужской взгляд ее нервировал. Давно она по-настоящему ни на кого не смотрела, и никто не смотрел *так* на нее. Она жила как в полудреме, по инерции двигаясь в сером склизком тумане растерянности и отчаяния, но каким-то образом этот лучистый взгляд пронзил мрак, окутавший ее после гибели Уилла. Это вышло случайно, только ей совсем не понравилось – не хотелось привлекать к себе внимание. Ведь тогда придется честно отвечать на вопросы.

Откашлявшись и поправив челку, Адрианна снова стала осматривать мостовую.

– Не знаю, чья это была монета, но, полагаю, шансы пятьдесят на пятьдесят. Я бросила четвертак, а вы? – поинтересовалась она, отбрасывая носком листья в надежде увидеть блеск металла.

– Десятицентовик.

– Правда? – Она покосилась на него исподлобья. – А вы, как я погляжу, – транжира.

– Другой мелочи не было, – коротко ответил он. – Что, кстати, не говорит о незначительности моего желания.

– Ну конечно. Я вас не осуждаю.

– Разве?

– Ладно, может быть, чуть-чуть. Простите. У меня выдался не самый лучший день. И если уж быть совсем откровенной, то не самый лучший месяц. Где-то в глубине души я надеялась, что мое желание это изменит. Где-то о-о-очень глубоко. Не то чтобы я верила в исполнение желаний, но, понимаете, я... я устала от безысходности.

Только что выдавить из себя двух слов не могла, и вот уже она бессвязно лепечет и не может остановиться.

– Мне знакомо это чувство, – без тени улыбки заверил мужчина.

И опять она почувствовала неувимую связь, смутно узнавая его, как будто он ее давний знакомый, вернувшийся после длительного отсутствия.

– Мы раньше встречались?

– Я так не думаю.

– Странно. Мне кажется, я вас откуда-то знаю. – Адрианна умолкла, заметив металлический блеск в нескольких футах от своих ног, и с облегчением подняла монету. – Вот она, и это четвертак. Мой. Наверное, знак свыше, что мне не стоит рассчитывать на исполнение желания, – обреченно произнесла она.

– Вы можете загадать еще раз. Вы верите во «второй шанс»?

– Сомневаюсь, что это *так* работает.

– Может, не сработает вовсе. Ни у кого. Если вам от этого легче, – сухо произнес Уайт.

– Если вы не верите, то зачем же бросили монету?

– Тоже устал... от безысходности, – повторил он ее слова.

Их взгляды снова встретились. Внутри Адрианны все сжалось, предательская мелкая дрожь пробежала по позвоночнику. Смутившись, она вдруг как будто не увидела, а всем существом остро ощутила удлинившиеся тени, наплывший с океана туман, запах чеснока, донесшийся из «Винченцо», где, без сомнения, готовились к ужину, и на этот раз поддалась желанию плотнее закутаться в кардиган.

– Который час, не скажете?

Уайт взглянул на часы.

– Без пятнадцати пять.

Опоздала на сорок пять минут.

– Ого, ну, мне пора. Хватит тянуть время.

– Вы тянули время? Поэтому так долго гипнотизировали свою монету?

– У вас бывало так в жизни, что вы не хотите, но обязательно должны сделать нечто? Не знаю, почему говорю вам это, но у меня именно такой случай. Разве что наш разговор позволяет мне еще больше тянуть время. – Адрианна смущенно улыбнулась. – Это то небольшое, что у меня отлично получается.

– Ну, вы еще хорошо умеете критиковать себя: знаете свои недостатки и сильные стороны. Так что вы должны сделать?

– Да всего-то и дел, что посмотреть в лицо своему страху, – ответила она, сама удивившись своему откровенному ответу. Адрианна не понимала, почему говорит ему что-то столь личное и неловкое. Они ведь только что встретились. Но под пристальным взглядом его голубых глаз она не смогла вести себя иначе.

– И какому же?

– Только не подумайте, что я чокнутая... Я должна войти вон в ту дверь, – кивнула она на ресторан.

– «Винченцо»? – воскликнул Уайт, проследив за ее взглядом. – А, понимаю. Вы боитесь из-за недавнего преступления, верно?

Она не удивилась, что он слышал об этом: об ограблении и смерти Уилла говорилось во всех новостях. И весь район был шокирован жестокостью этого нападения.

– Да. Я была там в ту ночь. Работала на кухне.

Его глаза вспыхнули узнаванием.

– Так вы шеф-повар. Адрианна... – Он щелкнул пальцами, словно пытаясь вспомнить ее фамилию.

– Кавелло, – подсказала она, удивившись и немного встревожившись оттого, что он знает ее имя. Ей не хотелось, чтобы ее имя связывали с преступлением, где бы она ни появилась. – Откуда вы знаете, как меня зовут?

Он вытащил значок.

– Я инспектор полиции Сан-Франциско. Вы были там в ту ночь? Может, я видел вашу фотографию в деле, поэтому ваше лицо показалось мне знакомым. Когда это случилось, меня не было в городе. По этому делу работает другой инспектор. Его зовут Джош Бертон.

Адрианна кивнула. Ну конечно. Должно быть, она точно не в себе, если не опознала в нем копа, а ведь когда-то она чуяла полицейских за милю.

– Я с ним разговаривала, но потом он куда-то исчез. Что-нибудь удалось выяснить?

Уайт отрицательно покачал головой:

– Пока нет, к сожалению. Так вы знали убитого?

– Да, он был моим очень близким другом, – ответила Адрианна, не вдаваясь в подробности и чувствуя себя виноватой за то, что назвала Уилла другом, а не возлюбленным. Хотя посторонним-то людям какая разница? – А вас как зовут? – спросила она, уводя разговор от Уилла.

– Уайт Рэндал.

– И что вы загадали?

– Попросил помощи в поисках моей дочери.

Ответ удивил ее. Она не знала, чего ждала, но точно ничего такого значительного и мрачного.

– Как давно она пропала?

– Два года в этом месяце.

Адрианна прижала ладонь к губам.

– О боже, мне так жаль. И я очень рада, что в фонтан попала ваша монетка. Ваше желание гораздо важнее моего. Сколько ей лет?

– Сейчас восемь. Ее зовут Стефани. – Уайт достал бумажник и передал Адрианне фотографию маленькой белокурой голубоглазой девочки. Края снимка обтрепались. Он наверняка доставал и показывал его миллион раз.

Как и мужчина, девочка показалась Адрианне знакомой. От волнения комок подступил к горлу.

– Что? – резко спросил Уайт. – Вы ее видели?

– Я... я не знаю, – медленно произнесла Адрианна. Девочка с фотографии была похожа на младшего ребенка из тех, кого она видела за «Винченцо» не так давно, только помладше и блондинка. А у той девочки волосы были темные.

– Сейчас моя девочка старше на два года. И конечно, изменилась.

– Я видела пару девочек здесь, и младшая была немного похожа на вашу дочь, но только глазами. Волосы у нее были гораздо темнее.

Уайт достал из кармана другую фотографию.

– А эти дети?

Адрианна уставилась на нечеткое изображение троих детей перед винным магазином.

– Да, – сказала она, чувствуя странное беспокойство. – Это они. Зачем вам эта фотография?

– Где вы их видели? – спросил он, не отвечая на ее вопрос.

– В первый раз я заметила этих деток несколько месяцев назад в проулке за «Винченцо». Они быстро смекнули, что я повар, и попросили у меня остатки обеда, а я отдала им пищу. Они были такие несчастные и голодные.

– И вы не догадались, что нужно позвонить в полицию?

– Вы когда-нибудь голодали? Случалось жить на улице? Я пыталась расспрашивать их о семье и близких, но со мной разговаривал только мальчик, напел, что у них все в порядке. Он называл девочек своими сестрами.

Уайт стиснул зубы.

– По-вашему, он сказал правду? Может быть, вы заметили еще что-нибудь? А эта девочка что-нибудь говорила? – Он показал на младшего ребенка.

– Нет, мальчика зовут Бен, фамилии не знаю. – Адрианна помолчала. – Сегодня я видела этих двух девочек здесь, в том конце площади. Когда окликнула их, они рванули вон туда. Это было приблизительно час назад.

Фигура мужчины напряжинилась, он переступил с ноги на ногу, словно готовый сорваться с места.

– Я пыталась догнать их, но они были проворней. В последний раз я их видела в ночь ограбления в проулке за рестораном. Я услышала выстрелы, когда разговаривала с ними. Мне казалось, я об этом рассказывала полицейским. Все, что произошло в ту ночь, помню как в тумане.

Уайт побледнел, в рапорте он не нашел информации о детях за рестораном.

Адрианна замолчала и задумалась, видя, как ему необходима поддержка, а она действительно очень хотела бы помочь.

– Бен сказал, что люди, которые за ними присматривают, вернутся домой в конце недели.

– Он назвал этих людей родителями?

– Нет, он сказал «люди», а я тогда предположила, что он говорит о родителях.

– Что-нибудь еще? Может, где они живут, в какую школу ходят? Была ли на них школьная форма... может, рюкзак, скейтборд, мягкая игрушка? Может быть, какие-нибудь особые приметы: родинки, пятна, шрамы?

Его вопросы сыпались так быстро, что Адрианна едва поспевала за ними.

– Простите. Поверьте, я очень хочу вспомнить, но у них ничего не было, и одежда самая обычная. Самостоятельные дети, привыкшие сами заботиться о себе и друг о друге. Вот почему я сегодня удивилась, увидев девочек без брата. Мысленно я считала их семьей.

– Если он действительно их брат, – с сомнением в голосе произнес Уайт.

Он протянул ей свою визитную карточку.

– Обязательно позвоните мне, мисс Кавелло, если снова увидите этих детей. В любое время дня или ночи. А еще лучше, постарайтесь заболтать их, удержать, пока я приеду.

– Хорошо. – Она взяла визитку. – Можно спросить, как пропала ваша дочь?

– Девочку забрала моя бывшая жена.

– Ее мать? – поразились Адрианна. У нее создалось впечатление, что ребенка украл посторонний человек, а оказалось, что самый близкий.

– Да, ее мать, – с горечью ответил он, и в его глазах полыхнул гнев. – Вы должны были позвонить в полицию, увидев этих детей в беде. – С этими словами он развернулся, быстро пересек площадь и исчез на той улице, по которой сбежали девочки.

Адрианна никак не могла оправиться от этого случайного разговора. По мнению полицейского Уайта Рэндала, она виновата в том, что ничего не предприняла, когда увидела бездомных детей. Но откуда ей было знать, что одна из девочек, бродивших в проулке за рестораном, похищенная? Та маленькая девочка не просила помощи. И почему эта странная женщина забрала свою дочь у отца? Уайт Рэндал казался хорошим парнем, но так ли это?

Ей приходилось сталкиваться с продажными копами, мужчинами, прятая за полицейскими значками свое истинное лицо и намерения.

Господи, ну почему она всегда попадает в передряги? Прежде чем открывать рот, надо было несколько раз подумать. Разговорившись с копом, подвергла ли она жизнь детей опасности? Или на шаг приблизила отчаявшегося отца к его дочери?

Глава 3

Адрианна сжала в кулаке четвертак, оглянулась на фонтан, подумала, не загадать ли новое желание – предыдущее теперь казалось незначительным. Пожелать, чтобы Уайт нашел свою дочь? Адрианна засомневалась. Что она знает о похищении детей родителями? По ее жизненному опыту, большинство людей старается спихнуть ответственность за детей на других.

– Адрианна?

Она вскинула глаза, услышав голос подруги. Линдси помахала ей от дверей ресторана и быстро подошла к фонтану.

– Что ты здесь делаешь? – На Линдси были черные джинсы и поварская куртка, волосы стянуты в тугий узел. – Стивен ждал тебя еще час назад. Он дважды тебе звонил, но ты не отвечала. Ты же знаешь, как он тебя обожает, но сейчас все равно здорово разозлился.

– Я не слышала звонков, – пробормотала Адрианна.

– Наверняка отключила звук, – понимающе кивнула Линдси. – Так в чем дело? Ты будешь разговаривать со Стивеном или нет? Ты совсем рядом с рестораном. Почему бы просто не сделать последний шаг?

– Я думаю. – Адрианна взглянула на сигарету в пальцах Линдси. – Ты снова куришь? Мне казалось, ты бросила.

– И правда, я бросала... Три раза. Трудный был месяц, – попыталась оправдаться Линдси. – На кухне хаос. Без тебя мы едва справляемся. Ты нужна нам и должна вернуться.

– Будто я сама не хочу!

В глазах Линдси заплескалось сочувствие.

– Но ты все еще боишься войти?

Адрианна кивнула, чувствуя себя полной идиоткой. Прежде гордилась своей выносливостью, считала себя нестигаемой, ведь иначе она не выжила бы в детстве. Так почему же сейчас она не может открыть эту проклятую дверь?

– Там все по-другому, – сказала Линдси, доставая зажигалку. – Зал перекрасили. Стулья перетянули. Ты не узнаешь обстановку. Все-все переделали.

– А кухню?

– Ну, там изменений немного, – признала Линдси. – Неужели тебя пугает кухня?

– Меня все пугает. – Адрианна нахмурилась, когда подруга щелкнула зажигалкой. – Ты правда собираешься закурить?

Линдси со вздохом убрала зажигалку.

– Ладно. Учти, только для тебя. А теперь ты кое-что сделаешь для меня взамен. Быстро топай в ресторан, а не то получишь взбучку, – я не шучу.

– Звучит так просто. Я понимаю, что веду себя как трусиха.

– Ты перенесла серьезную травму. Все это понимают. У тебя никого не было ближе Уилла, он хотел сделать тебе предложение. И вдруг случилась трагедия.

Адрианна украдкой смахнула слезу:

– Мы не знаем наверняка, хотел ли он сделать предложение.

– Ну, мы знаем, что он тебя любил. И просто ужасно найти его так, как нашла ты. Жаль, что я тогда рано ушла. Хотела бы я вернуть время вспять и остаться тогда с тобой.

– Ты с ума сошла? Линдси, ведь это ты могла лежать там на полу. Или я, если бы не вышла поговорить с детьми. Или мы все остались бы живы, если бы я с Уиллом сразу ушла. Ты знала, что парадная дверь не заперта? Они ведь даже не вломились, а тихо вошли.

– Дверь была не заперта, знала бы ты, как я корю себя за халатность, но мы же не знали, что такое может случиться. Это приличный, безопасный район. Как ты справляешься, дорогая? Тебе необходима профессиональная психологическая помощь.

– Я к мозгоправам не пойду, – отрезала Адрианна.

– Ладно, ладно. Узнаю нашу упрямыцу. Так что ты хочешь сегодня? Тебе же не нужно что-то решать на завтра, или на неделю, или на год. Сосредоточься и спланируй следующие пять минут!

Адрианна вскинула голову и выпрямила плечи.

– Пожалуй, это не так трудно. Хорошо. Идем.

Когда подруги направились к ресторану, решимость Адрианны таяла с каждым шагом, в ушах стучали тысячи колокольчиков. Когда они дошли до входа, ее сердце отплясывало джигу, а голова кружилась. Состояние было точно такое, как от вида лежавшего на полу Уилла и крови на его светлых волосах и вокруг головы. Адрианна резко остановилась и поймала горячий воздух губами.

– Вряд ли я смогу войти.

Линдси положила ладонь на ее плечо, погладила по спине, провела рукой по волосам.

– Уилл любил тебя так сильно и хотел бы, чтобы ты продолжала жить, как прежде. Он знал, что ты мечтаешь стать шеф-поваром «Винченцо», и не желал бы своей смертью оборвать твою карьеру.

Наверное, Линдси все говорила правильно. Но...

– Может, мне суждено сделать карьеру в другом ресторане, я могла бы работать в любом другом месте.

– И что бы изменилось? Поправь, если я ошибаюсь, но за последние два месяца ты заходила в любой другой ресторан?

– Нет.

– Первый шаг всегда самый трудный.

– Именно это я говорю тебе, когда ты достаешь сигарету, а ты только отмахиваешься.

– Не делай того, что я делаю, делай то, что я говорю. – Линдси открыла дверь: – Проходи.

Адрианна заглянула мельком, но увидела лишь возвышение, на котором стояла распорядительница ресторана.

Ковра у входа больше не было, вычищенный до блеска паркетный пол. Стены перекрашены в респектабельный и спокойный темно-персиковый цвет. Шум и суeta в зале вызвали знакомое волнение, напомнили, что когда-то этот ресторан был ей вторым домом, но страх не развеялся.

Адрианна осторожно переступила порог. Нервы натянулись до предела, и она усомнилась в том, что они не лопнут или что она не скончается на месте от сердечного приступа. Новенькая распорядительница – молоденькая высокая блондинка – с любопытством взглянула на нее, но, переведя взгляд на Линдси, промолчала и отвернулась.

Адрианна пошатнулась и, чтобы удержать равновесие, сделала еще несколько шагов вперед, стараясь смотреть куда угодно, только не на пол.

– Адрианна! – прогремел на весь зал голос Стивена, и она с благодарностью ухватилась за предлог сфокусировать внимание на ком-то знакомом и приятном, чтобы не замечать деталей обстановки. Итальянец Стивен, невысокий черноволосый крепыш с живыми карими глазами и обаятельнейшей улыбкой, любил людей, а те отвечали ему взаимностью. Он сжал Адрианну в крепких медвежьих объятиях, от души ликую и радуясь ее появлению. «Винченцо» был семейным рестораном, и персонал считался частью семьи.

– Ты сильно опоздала, но я счастлив, что ты пришла. Поговорим на кухне?

Адрианна отрицательно качнула головой:

– Не сегодня.

Стивен внимательно посмотрел на нее.

– Хорошо, идем в кабинет.

Адрианна старалась сосредоточиться, хотя и не была уверена, что в кабинете на нее не нахлынут жуткие воспоминания.

Но Стивен уже мягко, но настойчиво вел ее мимо бара в коридор, по лестнице вверх, широко распахнул тяжелую дубовую дверь и пропустил ее вперед в светлую комнату, у окна которой стоял полукруглый стол из красного дерева и удобные деревянные кресла с бархатной обивкой. «Итальянцы действительно знают толк в мебели», – подумала она и только теперь смогла выдохнуть и почувствовать, что в кабинете ей стало легче. Чистота и порядок, царившие здесь – а Стивен был аккуратистом до абсурда, – успокаивали. И, несмотря на великодушие и общительность, он был безумно требовательным во всем, что касалось его ресторана. Адрианна стала отличным шеф-поваром во многом благодаря его высоким стандартам.

– Что скажешь о переделке?

– Красиво.

– Зал теперь на высшем уровне, чего не могу сказать о кухне. Адрианна, ты оливковое масло моей души и нужна нам не меньше. Посетители скушают по твоим блюдам. Не проходит дня, чтобы кто-нибудь не справился о твоём самочувствии, *sa ga mia*. Я хочу официально назначить тебя шеф-поваром. Это подразумевает прибавку к зарплате и более удобный график. Собственно, ты сама можешь определять часы работы. Если хочешь начать с неполного дня, я готов пойти тебе навстречу.

Стивен проявил невероятную щедрость, и Адрианне хотелось согласиться со всеми его предложениями, но прежде всего он заслуживает честности. И она, поблагодарив его за потрясающее предложение, призналась, что ее мучают ночные кошмары. Пережитое не оставляет ее: даже в ночной тишине она снова и снова слышит выстрелы, бежит через кухню и... заливаясь слезами, просыпается.

Стивен распрямился на своем стуле, сжал ладони.

– Даже представить не могу, какой это был для тебя шок. – Он помолчал. – Мы все любили Уилла, но у вас были особенные отношения. Он больше всех тебя поддерживал и без конца твердил мне, что я – дурак, раз не спешу назначить тебя шеф-поваром. Сейчас тебе кажется, что ты забыла все рецепты и вообще не знаешь, с какой стороны подойти к плите, но все вернется, Адрианна. Это же у тебя в крови. Готовить для тебя – все равно что дышать. Это твоя жизнь, твое призвание.

Его слова будто повернули нож, вонзившийся в ее сердце в ту ночь. Он прав. Без профессии она даже не представляет, кто она. И поэтому ей так тяжело дались последние два месяца.

– Я не вижу на кухне никого другого, – продолжал Стивен. – Если нужно подождать еще несколько дней или неделю, подождем. Но оставить кухню совсем без повара было бы безответственно. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Понимаю, конечно, и ценю. Ты и так ждал слишком долго.

Раздался стук в дверь, и через мгновение в двери показалась хорошенькая блондинка.

– Здравствуйте, шеф, – приветствовала Адрианну официантка, и от этого обращения она испытала прилив гордости. Она честно заработала эту должность, так неужели позволит страху управлять своей жизнью?

– Ваш заказ, – сказала официантка Стивену и, поставив на стол большой пакет, выпорхнула из комнаты.

– Что это? – подозрительно спросила Адрианна.

– Твой обед. Спагетти не так хороши, как те, что готовишь ты. Попробуешь и скажешь мне, чего не хватает.

– Линдси готовит соусы не хуже меня.

– Мне нужно *твое* мнение. Я добавил еще кое-какие закуски. Попробуй и позвони мне, договорились?

Стивен с вызовом смотрел на нее, и она беспомощно улыбнулась:

– Хитрюга.

– Что угодно, лишь бы напомнить тебе, почему ты так нам нужна. – Стивен встал, обошел стол и вручил ей пакет. – Обещай, что позвонишь мне.

– Хорошо.

– Я тебя провожу.

Стивен больше ничего не сказал, но, входя в зал, она радовалась, что он рядом, и все равно смотрела прямо перед собой. У двери Стивен поцеловал ее в щеку, и Адрианна вышла на улицу и с облегчением шумно вдохнула свежий воздух. Плохое предзнаменование. И как прикажете вернуться на кухню? Но об этом можно подумать позже. Сегодня она вошла в эту дверь, сделала первый шаг, и пока с нее достаточно.

Вернувшись в участок, Уайт бросил фотографию с камеры слежения на стол Джоша.

– Эти дети находились в проулке за рестораном «Винченцо» в ночь ограбления.

Джош изумленно взглянул на друга.

– Откуда ты знаешь?

– Я случайно столкнулся с шеф-поваром «Винченцо» Адрианной Кавелло. Она сказала, что вышла в проулок с пиццей для каких-то детей. Вот почему ее не было в ресторане во время ограбления. Она опознала эту троицу. Именно с ними она разговаривала.

Джош нахмурился:

– Погоди. Когда я ее допрашивал, она не сказала, что видела кого-то в проулке. А ты где с ней познакомился?

– У фонтана около «Винченцо». Я показал ей фото, и она опознала детей, а еще сказала, что младшая девочка похожа на Стефани.

Не в силах устоять на месте, Уайт зашагал взад-вперед. Адреналин кипел в его крови с того самого момента, как он поговорил с девушкой. Целый час он обшаривал окрестные улицы метр за метром, толкался во все двери с одним-единственным вопросом и вернулся хоть и с пустыми руками, но подгоняемый вновь вспыхнувшей надеждой.

– Джош, это прорыв, который я так долго искал. Мы найдем этих детей и, думаю, найдем Стефани.

Джош, похоже, такой убежденности не испытывал.

– Ты не можешь знать, что младшая девочка – Стефани. Фотография нечеткая. И с чего вдруг Стефани поздно вечером слоняется по Сан-Франциско в компании двух других детей? Уайт, это бессмысленно.

– Может, и бессмысленно, но это все, что у меня есть. Я хочу, чтобы эту фотографию размножили и дали всем полицейским департамента. Даже если на фото не Стефани, дети могли быть свидетелями ограбления и убийства в «Винченцо».

– Ладно. Подожди минутку. – Джош открыл папку, пробежал пальцем вниз по одной из страниц. – Вот. Адрианна сказала, что находилась в проулке у мусорных баков, когда услышала выстрелы, и больше никого не упомянула. Я решил, что она выбрасывала мусор. – В его глазах вспыхнуло раздражение. – На первом допросе она ничего не сообщала от шока, и из нее трудно было что-то вытянуть, а когда мы разговаривали во второй раз, она вспоминала с трудом, будто у нее были провалы в памяти. И все равно надо было дожать ее.

– Она сама должна была сообщить об этом, – помрачнел Уайт, удивляясь, почему Адрианна не упомянула детей. Пыталась ли она защитить их? Но если она так заботилась об их благополучии, то почему не позвонила в полицию, когда впервые увидела их за рестораном?

Услышав цокот каблучков за спиной, Уайт оглянулся и наткнулся на раздраженный взгляд зеленых глаз своей напарницы Памелы Бейкер.

– Где ты шатался, черт побери? Уайти, ты обещал вернуться еще час назад.

– У меня появилась зацепка по Стефани. Джош тебя просветит, а мне нужно сделать несколько звонков. Прости, что подвел тебя сегодня.

Памела мгновенно смягчилась, отмахнувшись от его извинений.

– Нормально. Я просто злилась, что ты бросил меня в одиночестве заниматься бумажной волокитой по делу Делгадо. Я же не знала, что появилось нечто более важное. Ты должен был мне сказать.

– Хотел сначала кое-что проверить.

Пока Джош вводил Памелу в курс дела, Уайт уселся за свой стол и для начала позвонил приятелю в социальную службу. Адрианна не обратилась за помощью, но вдруг им звонил кто-то еще.

Глава 4

Адрианна гипнотизировала контейнеры из алюминиевой фольги, расставленные на ее кухонном рабочем столе. От волшебных ароматов у нее буквально текли слюнки и оживали многочисленные воспоминания, как чудесные, так и болезненные.

Ребенком она почти всегда голодала и даже привыкла к вечной ноющей боли в желудке. О еде она думала всегда – как достать ее, как заплатить за нее, как растянуть тарелку лапши на целый день или сделать из одной пачки макарон полноценный обед, как выкроить что-нибудь на завтра. Ей приходилось выпрашивать еду у задних дверей ресторанов или супермаркетов, точно как тем троим деткам, приходившим к ней в проулок за «Винченцо».

Уайт Рэндал спросил, почему она не позвонила в полицию. Тот же вопрос задавали Уилл и Линдси, но она всегда была на стороне тех детей, и, когда Бен умолял ее никому ничего не сообщать, она слышала собственный тонкий голосок: не они, а она сама ребенком молит незнакомых взрослых о том же самом.

Правда, ей давно следовало вырасти из образа двенадцатилетней девочки. Надо было связаться с социальной службой, чтобы пристроить этих несчастных детей, или по меньшей мере расспросить их поподробнее. *Должна была, могла бы...* Глупо упиваться чувством вины. Это ничего не изменит.

Открыв первый контейнер со спагетти, Адрианна достала из ящика вилку, накрутила на нее длинные макароны. Первая проба оказалась на вкус неплохой, но не восхитительной. Адрианна нахмурилась, пытаясь понять, чего же не хватает. Откусила еще пару раз. Почти идеальное сочетание приправ, но только *почти*. И от пиццы с грибами создалось такое же ощущение. И с лазаньей, и с каннелони⁴ все повторилось. Легкие сливочные нотки, но ничего дерзкого или волшебного.

Адрианна отложила вилку и снова уставилась на контейнеры. Ей хотелось улучшить эти блюда, кое-где добавить приправы, кое-что подогреть, перемешать, довести до совершенства. Но это значит, что придется заняться готовкой... Ничего страшного, ведь для этого вовсе не нужно возвращаться в «Винченцо». Можно поколдовать и дома. Проанализировать ингредиенты и понять, чего не хватает.

Вскочив на ноги, Адрианна принялась вытаскивать кастрюли, сковородки, приправы и впервые за долгое время почувствовала, что на самом деле снова *хочет* готовить.

Два часа спустя ее кухня наполнилась ароматами чеснока, лука, орегано и других кулинарных трав. В раковине громоздились горшки и кастрюли, различные ингредиенты переместились из кладовки и холодильника на рабочий стол, но усилия не оказались напрасными. Все блюда были выполнены идеально, и Адрианна засветилась от счастья.

Да, да! Впервые за долгое время она забыла про печаль, гнев и чувство вины.

Приготовление пищи всегда было ее терапией.

Резко и коротко звякнул домофон, вернув Адрианну с небес на землю. Настенные часы показывали половину десятого вечера. Линдси наверняка еще на работе, а больше друзей, которые могли бы запросто заявиться без звонка, у Адрианны не было.

– Кто там? – спросила она, нажав кнопку домофона, неременной принадлежности почти всех квартир Сан-Франциско.

– Уайт Рэндал. Мне необходимо с вами поговорить.

Уайт Рэндал? У нее перехватило дыхание. Какого черта он здесь делает?

– О чем?

– У меня к вам несколько вопросов о детях, которых вы видели в ночь ограбления.

⁴ Итальянская паста (макароны) в виде трубочек небольшого диаметра.

– Я рассказала вам все, что знаю.

– Вы не могли бы меня впустить? Я не займу много вашего времени.

Адрианна заколебалась. Как полицейский, он заслуживает доверия, но в последние дни она шарахается от собственной тени, и пускать в квартиру незнакомого мужчину, пожалуй, не самый разумный шаг. К тому же вряд ли ей понравятся вопросы, которые он хочет задать.

Домофон снова ожил, запыхтел, напоминая, что посетитель ждет и терпение его иссякает.

– Хорошо, заходите, – произнесла Адрианна, впуская Уайта в здание, и прошла через гостиную к входной двери.

Ее квартирka с одной спальней была крохотной и загроможденной, многоцветной и разнотильной. Может, многие сочли бы ее жилье незавидным, с мебелью, купленной по случаю в комиссионке, но для нее это домашний очаг, только ее крепость. Уилл предлагал съехаться, объединить доходы, купить квартиру побольше, но она оттягивала решение. Хотя в целом идея была привлекательной, Адрианна была не готова отказаться от убежища, которое впервые в жизни называла своим домом. И делить свое личное пространство даже с Уиллом ей не хотелось. Наверное, ее нерешительность должна была многое прояснить обоим в их отношениях, но они нечасто это обсуждали.

Стук в дверь отвлек ее от мыслей о Уилле и общем доме, которого у них никогда не будет, и она открыла дверь.

Уайт вошел в квартиру, не дожидаясь приглашения. «Человек действия, – подумала Адрианна. – Мужчина, способный перевернуть жизнь женщины вверх тормашками. Разумеется, он явился сюда не ради меня, – напомнила она себе. – У него свои цели, просто я каким-то образом попала в орбиту его интересов».

– Извините, что врываюсь к вам, но меня мучает вопрос: почему вы никому не рассказали о детях, находившихся в проулке во время ограбления? Мы с инспектором Бертоном просмотрели ваше заявление, там ни слова о детях.

Адрианна осознала свое упущение еще после первого допроса, а позже промолчала, посчитав эти сведения несущественными. Дети не имели никакого отношения к ограблению, не могли видеть больше, чем видела она, и ей не хотелось навлекать на них лишние неприятности.

И все-таки, похоже, чувство вины отразилось на ее лице, потому что Уайт прищурился?

– Вы видели две фигуры, бегущие по улице. Дети тоже могли их видеть.

– Те люди были далеко, и на головы натянуты капюшоны.

– Куда подевались дети, когда раздались выстрелы?

– Не знаю. Я бросилась внутрь. Думаю, убежали в противоположную сторону. Точно не знаю.

– Почему вы скрываете этих детей от полиции?

Адрианна видела решительный блеск в его глазах и понимала, что придется найти ответ получше.

– Когда-то я была такой же, как они. Много времени проводила на улицах. Я по собственному опыту знаю, что такое социальный работник, бросающий тебя в жуткую приемную семью или омерзительный приют. Представьте испуганного, голодного волчонка, не доверявшего никому. На моих глазах разлучали родных братьев и сестер... Знаете, бывают места гораздо хуже, чем улица.

– Но они дети. И только потому, что у вас был неприятный опыт...

– Но мы говорим не обо мне, и я хочу кое-что прояснить, – оборвала его Адрианна. – Если бы я думала, что эти дети помогут в расследовании, я бы их упомянула. Мой... мой парень погиб в ту ночь. Я хочу, чтобы правосудие разобралось с его убийцами. Уилл не заслужил того, что с ним случилось. Я ничего не пыталась скрыть, просто те дети не имели

к случившемуся никакого отношения. А когда я вспомнила о них, то подумала, что, даже если расскажу, никакой пользы от этого не будет. Теперь дошло?

– Ни на йоту не полегчало. – Уайт подбоченился и, судя по его агрессивной позе, не собиравшись уходить, пока не выполнит то, что считает своим долгом. – Очевидно, что у вас есть привычка вспоминать *кое-что* задним числом, – съязвил он.

– Вы знаете меня слишком мало, чтобы судить о моих привычках.

– Так давайте познакомимся поближе.

– Давайте, – резко оборвала Адрианна. – Ладно, только и у меня есть вопросы. Зачем матери похищать ребенка у его отца? Наверняка должны быть чертовски веские причины.

Его лицо побелело, голубые глаза потемнели от гнева.

– Избалованная эгоистичная наркоманка, привыкшая думать только о себе. – Он помолчал. – Вот почему мне присудили полную опеку над Стефани. Вот именно, Адрианна. Моя бывшая жена нарушила судебный приказ. Она похитила мою дочь, забрала ее даже без сменной одежды. Не взяла ее любимого плюшевого медвежонка, без которого Стефани не могла заснуть. Схватила за руку – и бежать! Дженнифер это не заботило, потому что она думала только о себе.

За его резкой отповедью последовало тяжелое молчание.

– Что еще вы хотите знать? – наконец спросил он, проводя рукой по волосам.

– Я... я не знаю. Послушайте, я не хочу вступать в ваши дела.

– Неужели? Вы влезли по уши. Хотите от меня избавиться? Помогите мне.

– Я очень занята. – Она махнула рукой в сторону кухни. – Может, в другой раз?

– Мне показалось, что вы больше не собирались даже прикоснуться к сковородке, – произнес он, покосившись на гору посуды в раковине.

– Выступаю в качестве эксперта, проверяю некоторые рецепты для «Винченцо».

– Так вы все-таки вошли в *ту* дверь?

– Да, и даже добралась до кабинета владельца. Но не очень-то обольщайтесь, до двери – да, но не до кухни. – Адрианна помолчала, глядя на него в упор, и что-то в его глазах не позволило ей отвести взгляд. – Я не понимаю, почему вы так обо мне беспокоитесь, – пробормотала она.

Ей безумно хотелось сказать, что он сумасшедший, но ведь и она чувствовала какую-то связь с ним, словно не зря он вошел в ее жизнь.

– Вот это нам и придется выяснить. – Уайт улыбнулся и прошел на кухню. – Выглядит соблазнительно. Может, помочь вам протестировать рецепты?

– Вы что, напрашиваетесь на ужин? – изумилась она.

Его лучистые глаза были красноречивее слов.

– Почему бы и нет? Вы сами сказали, что хотите узнать меня поближе, а это требует времени.

– Как раз наоборот, я сказала, что не знаю вас. Почему вы решили, что я хочу это изменить? – поправила его Адрианна. – Вы могли наговорить что угодно, это не значит, что все было правдой.

– Не знал, что такие милые на вид девушки могут быть такими циничными.

– Я хорошая ученица и на своем не таком уж длинном жизненном пути встречала много лгунов.

– Лгунов-полицейских?

– Да, лгунов-полицейских, – вздохнула она.

– Еще одна причина, почему вы не позвонили в полицию. – Он скрестил руки на груди. – Не думаете же вы, что я один из этих «оборотней в погонах», Адрианна? И пусть я полицейский, но в первую очередь я – отец, доведенный до отчаяния тщетными поисками дочери. Вы – мое единственное связующее звено.

– С маленькой девочкой, которая, может, и не ваша дочь, – напомнила Адрианна.

– Вот это мы и должны выяснить.

Адрианна колебалась еще несколько секунд и наконец решилась: подошла к шкафчику, достала тарелку и поставила ее перед «незванным гостем», а поскольку она еще не все распробовала, то ей было чем его попотчевать.

Пока она готовила еду, он побродил по квартире, остановился у приставного столика с фотографиями. Ей нечего было прятать, но все равно стало как-то неловко от его придирчивого осмотра.

– Уилл? – спросил он, беря в руки одну из фотографий.

Это фото было сделано в последнее Рождество. Они катались на лыжах на озере Тахо. Вернее, катался Уилл, а она пила горячий шоколад в уютном домике у камина.

– Да, это он. Мой парень был хорошим лыжником. У его родителей был дом на озере, и он все зимние каникулы проводил на склонах.

– А вы? – спросил Уайт, ставя фотографию на место.

– Я никогда не каталась ни на лыжах, ни на сноуборде. И меня не привлекают крутые склоны.

– Забавно. Вам стоит попробовать.

А вот эти его слова ее не удивили. Он сам явно был человеком, наслаждающимся спортивными занятиями на свежем воздухе и вообще любым экстримом.

– А это кто? – спросил Уайт, выбирая другую фотографию.

– Линдси, – ответила Адрианна, мельком взглянув на фото. – Она помощник шеф-повара в «Винченцо» и моя близкая подруга. Мы отмечали ее день рождения. Один из наших официантов пригласил нас на яхту своего отца.

– У вас нет никаких фотографий из детства? У всех есть архивные фото, которые обожают наши бабушки и от которых нам бывает неловко. Голышом, или со скобками на зубах, или с косичками.

– Никогда не носила ни скобки, ни косички.

– И ни одной фотографии родителей, бабушек, дедушек?

– У меня их никогда не было.

– Так уж *никогда*? – удивился Уайт.

– Есть одна старая фотография мамы, но я ее храню как зеницу ока. Пусть она рваная и затасканная, но стоит в красивой рамке в моей спальне. Других нет.

– Похоже на начало истории.

– Очень короткой и непримечательной. Ваш ужин готов.

Уайт уселся за ее рабочий стол, опустил взгляд на поставленную перед ним тарелку.

– Красиво.

– Не принимайте это великолепие на свой счет. Это экспериментальный образец. Вы будете моим подопытным кроликом.

– Принимаю ваш вызов.

Уайт подцепил вилкой первый кусочек каннелони, а Адрианна стала смотреть, как он жует, удивляясь про себя, почему ей так интересно его мнение. Ей и без него известно, что она отличный повар. Помнится, няня в приюте говорила, что если девушке не противно смотреть на жующего мужчину, то и в постели с ним ей понравится.

– Изумительно, – наконец произнес Уайт и закрыл глаза. – Невероятно, – добавил он, прожевав следующий кусок. – Похоже, очень скоро мой запас слов восхищения иссякнет.

– Просто ешьте, – предложила Адрианна, зарделась от удовольствия, возгордившись от его комплиментов и потому чувствуя себя глуповато. Уж что ей всегда удавалось, так это приготовление еды. Даже если она никогда не сможет вернуться на ресторанную кухню, ее талант останется при ней.

Пока Уайт ел, она загрузила посудомоечную машину, радуясь, что есть чем занять руки, иначе просто не знала бы, куда деваться. Слишком много места занимал этот чужой, но почему-то несказанно близкий мужчина в ее крохотной кухоньке – и не только физически. Такого человека нелегко игнорировать, и ее не покидало ощущение, что она не заслужила этой радостной минуты нежданного затишья, когда все страхи куда-то улетучились, а потому чувствовала себя не в своей тарелке.

Ничего подобного она не испытывала, когда на этой же кухне сидел Уилл. С ним было всегда легко и просто, она не смущалась, не нервничала, не чувствовала такого странного напряжения, как рядом с этим чужаком.

– Кто научил вас готовить? – прервал Уайт поток ее мыслей.

– Само собой как-то получилось. Поначалу много экспериментировала, а потом мне чуть-чуть помогли.

– Вы сказали, что много времени проводили на улицах. Что случилось с вашими родителями?

– Мама заболела раком, когда мне было около шести, и болела она долго. – Адрианна повернулась к нему, вытирая руки полотенцем, облокотилась о стол. – После химиотерапии у нее совсем не было аппетита, тогда я и научилась варить супы. Только жидкую пищу она и могла проглотить, все остальное желудок сразу возвращал. Простите за такие физиологические подробности. Я помню, как радовалась, когда она съедала всю тарелку.

В глазах Уайта промелькнуло сочувствие.

– Большая ответственность для маленькой девочки.

– Наверное. У меня не было выбора. Она была чудесной матерью, но мы жили совсем одни, и у нас вечно не хватало денег. И чем дольше она болела, тем хуже нам приходилось. Она больше не могла работать, а страховки у нее не было.

– А ваш отец?

– Его не было рядом. Судя по маминым отрывочным рассказам, он сбежал, когда мне было три года. Я его не помню... От супов я перешла к завтракам. – Сердце кольнуло от воспоминаний. – На ужин мама любила блины и оладушки, и я тоже. Так что ужинали мы тем, что другие едят на завтрак. Было забавно. Иногда мы ели при свечах.

– Уж не потому ли, что было отключено электричество?

– Да. Тогда я этого не понимала. Мама превращала наши трудности в приключение. Она создала чудесный мир грез, чтобы защищать меня. А потом ей стало совсем плохо. И вот однажды в доме появились полицейский и социальный работник и забрали меня у нее. – Сердце заныло, и Адрианна закусил губу. – Полицейский так грубо схватил меня за руку, что остались синяки. Я упиралась, и ему пришлось тащить меня из дома. Я кричала, упиралась, не хотела покидать маму. Они твердили, что отправят ее в больницу, но я так и не узнала, сделали ли они это. На следующий день женщина из социальной службы сказала мне, что мама умерла, и я больше никогда ее не видела.

Уайт оттолкнулся от стола, встал, подошел к ней, ласково положил ладонь на ее плечо. Нежное прикосновение согрело и успокоило ее. Вообще, весь этот разговор казался неуместным. Она редко рассказывала кому-либо о своем прошлом и теперь доверчиво потянулась к нему и успокоилась только тогда, когда нашла носом его плечо – такое широкое и мужественное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.